

)

Гуань Е на мгновение замолчал, после чего несколько заторможенно расстегнул куртку и снял прилежавшую к телу белую рубашку, обнажая рельефные, с первого взгляда невероятно сильные мышцы.

Однако Ци Шуюэ было совсем не до того, чтобы оценивать физическую форму Гуань Е. Он обошел его со спины, устался на медицинский бинт, который сам же недавно намотал на тело парня, и, найдя ножницы, разрезал его. Только тогда выяснилось, что изнутри повязка насквозь пропиталась кровью и странной липкой субстанцией, от которой исходил слабый тошнотворный запах. Очевидно, рана была тяжелейшей.

Лицо Ци Шуюэ слегка побледнело. Выждав пару секунд, он сосредоточился и принялся очищать рану.

Промыв все заживляющим раствором, Ци Шуюэ с удивлением обнаружил, что оставленный зомби порез полностью затянулся.

Новая кожа в том месте была светлее окружающих тканей, выделяясь едва заметным рубцом, похожим на след от наложенных швов. Помимо этого, в ней не было ни единого изъяна, к которому можно было бы придраться.

Правда... исцелился.

Нависшая над ними тень смерти, казалось, рассеялась в одно мгновение. Из-за бушующего шквала эмоций Ци Шуюэ даже остолбенел. Первым чувством было вовсе не ликование, а жуткий страх перед лицом только что пережитого кошмара.

Его ресницы дрогнули, и одинокая слеза упала прямо на шрам, оставшийся на плече и спине Гуань Е.

Эта капля обжигала куда сильнее целебного раствора – словно раскаленный язык пламени лизнул кожу. Плечи Гуань Е инстинктивно напряглись, а мгновение спустя он тихо произнес:

– Прости. Не плачь, Ци Шуюэ.

В голове Гуань Е сейчас царил полный хаос: все мысли и привычные представления перемешались, а затем стали восстанавливаться с пугающей скоростью. Если бы мозг обычного человека попытался одновременно обработать столь гигантский массив информации, он бы наверняка превратился в кашу. Но Гуань Е, к счастью, переносил всё на удивление легко и даже умудрялся тратить львиную долю умственной энергии на то, чтобы следить за состоянием Ци Шуюэ.

В то же время парень заметил, что его зрение стало невероятно острым – теперь он мог настраивать фокус подобно сложнейшему оптическому прибору, различая малейшие детали вокруг. Слух тоже обострился: стоило сосредоточиться, как сквозь стены до него доносился топот ходячих мертвецов за несколько километров.

А внутри тела бурлила какая-то дикая, неистовая, но невероятно мощная энергия. Гуань Е всегда четко осознавал грань между собой и обычными людьми, но даже тогда его физические показатели едва ли выходили за человеческие рамки. Теперь же сила, kloкотавшая в жилах, заставляла его чувствовать себя скорее чудовищем.

Впрочем, физические изменения волновали Гуань Е меньше всего.

Он понятия не имел, что за «период трансформации» с ним приключился, но отчетливо помнил свое недавнее безумие.

Казалось, стоило начаться концу света, как его собственный разум тоже погрузился в хаос, превратившись во что-то совершенно жуткое.

Если взглянуть на это сейчас, то отторжение окружающего мира, боль и это удушающее, уродливое чувство собственничества по отношению к Ци Шуюэ вызывали у него суеверный ужас.

Человек попросту не способен сочувствовать вчерашнему себе – и Гуань Е был тому живым подтверждением.

Именно поэтому он так отчетливо помнил все те безумства, что творил с Ци Шуюэ, жадно впитывая его запах и само присутствие, словно тонущее чудовище. В рушаемся мире апокалипсиса он не только не исполнял долг защитника, но и поддался тошнотворным, извращенным желаниям, воспользовавшись тяжелым положением парня.

Он хотел навеки привязать к себе свою Луну, желая бесконечно тонуть с Ци Шуюэ в пучине страсти и похоти, из чего и родился этот параноидальный, пугающий контроль.

Именно потому, что Ци Шуюэ противился такому давлению, и случился тот побег и последующая смертельная ловушка. Даже теперь Гуань Е бросало в холодный пот при мысли: а что, если бы с Ци Шуюэ и вправду что-то случилось? Как бы он тогда жил?

За тем происшествием неизбежно последовала буря ссор.

Испытывая крошечную, гадкую капельку злорадства, Гуань Е даже радовался, что полученные им ранения временно свели на нет их конфликт. Но вызванная этим цепная реакция лишь погрузила его в пучину еще более глубокого раскаяния, вины и ментального беспорядка.

Ци Шуюэ не бросил его, превращающегося в монстра. Он даже был готов умереть вместе с ним.

Хотя сейчас Гуань Е трезво рассуждал, что младший господин просто слишком мал, доверчив и наивен, раз так легко поддается на жалость и принимает столь опрометчивые решения... но даже при этом той мимолетной нежности перед лицом смерти хватило, чтобы стать самым сильным наркотиком для зверя в груди Гуань Е. Это заставило его неконтролируемо, безумно захотеть еще большего.

Но тогдашний Гуань Е был слишком глуп и неспособен мыслить здраво. Он понятия не имел, как справиться с ситуацией, и не знал, как мягко оттолкнуть Ци Шуюэ, а потому выбрал самый паршивый путь – попытался прогнать его с помощью фальшивых, ядовитых слов.

Оценивая себя прежнего, Гуань Е не мог отделаться от ощущения, что рассуждает задним умом.

Впрочем, трудно не назвать свое прошлое «абсолютно идиотским». Ведь охваченный периодом трансформации, он уже приготовился к смерти и потому сжигал все мосты. А реальная проблема, с которой столкнулся нынешний Гуань Е, заключалась в том, что он, черт возьми, выжил. И теперь предстояло как-то объясниться с Ци Шуюэ – мол, все те слова о разрыве были ложью, и он ни капли не со зла!

...Кажется, единственный способ всё исправить – это всё-таки сдохнуть по-настоящему, – мрачно размышлял Гуань Е.

Однако погрузиться в пучину самобичевания ему было не суждено: в следующий миг Ци Шуюэ, осознавший, что тело охранника полностью исцелилось, с разбегу повис у него на спине.

На самом деле это движение больше походило на то, как пушистый котенок запрыгивает человеку на плечи: руки Ци Шуюэ обвились вокруг шеи Гуань Е. Он ласково, с такой трогательной зависимостью прижался щекой к его спине, и мягкая пижама плотно притерлась к обнаженному торсу, рождая какое-то странное, трепетное тепло.

Тело Гуань Е напряглось еще сильнее, вздувшиеся мышцы казались раскаленными добела. Он даже не смел обернуться к Ци Шуюэ, опасаясь, что его нынешний взгляд покажется слишком хищным. Из его горла вырвалось хриплое, задавленное:

– ...Ци Шуюэ.

– Гуань Е, – а Ци Шуюэ даже не догадывался, в какие бездны самокопания погрузился парень за ту пару секунд промедления.

Он с улыбкой проговорил:

– Я просто безумно рад.

– Мы смогли выжить вместе.

Мы... смогли выжить вместе.

Сердце Гуань Е на миг окунулось в сладкий сироп, отзываясь в груди одновременно щемящей болью и нежностью. Это почти полностью подавило его тягу к саморазрушению, и после короткой паузы он сам завел разговор о том прошлом, воспоминания о котором до сих пор жгли душу:

– То, что я тогда наговорил... Прости. Я не... не со зла.

Гуань Е от природы не умел открывать душу, но ради этого единственного вопроса он отчаянно хотел объясниться. Он не мог допустить, чтобы Ци Шуюэ продолжал понимать его неправильно, и боялся, что те слова снова причинят ему боль.

Даже понимая, что в процессе он неизбежно обнажит свои темные, уродливые мысли, он молил лишь об одном: чтобы Ци Шуюэ из-за этого... снова не оттолкнул его.

– А? – услышав это, Ци Шуюэ удивленно распахнул кошачьи глаза, чувствуя себя немного смущенным.

В тех экстремальных условиях было вполне нормально сказать что угодно, всё давно прошло.

Полагая, что Гуань Е извиняется за собственную «неискренность», Ци Шуюэ подумал пару секунд и тихо ответил:

– Ничего страшного, я ведь и так догадывался. Гуань Е, тебе не за что извиняться, ты и так справился отлично.

В условиях рухнувшей морали конца света, цепляясь за сделку, которая вряд ли сулила щедрую награду, Ци Шуюэ искренне считал, что человеческие качества Гуань Е полностью соответствуют статусу главного героя.

Однако для Гуань Е эти слова прозвучали иначе: парень имел в виду, что с самого начала знал о фальшивости его слов, понимая, что это была лишь неуклюжая уловка. Испытывая жгучее смущение, он в то же время чувствовал невероятное облегчение – этот тяжелый камень наконец свалился с души.

Оба участника диалога высказали свои истинные чувства, разговаривая буквально на разных языках. И хотя их выводы расходились диаметрально противоположно, проблема, казалось, чудесным образом разрешилась, а атмосфера мгновенно стала легкой и уютной.

Тут Ци Шуюэ вспомнил, что нужно развязать веревки на ногах Гуань Е и позволить тому снова одеться. На улице стоял жуткий холод, и разгуливать с голым торсом было чревато простудой, хотя Ци Шуюэ прекрасно понимал, что иммунитет у нынешнего Гуань Е наверняка превзошел все человеческие пределы. Тайком бросив на парня вороватый взгляд, а затем еще один, Ци Шуюэ всё же не выдержал и любопытно поинтересовался:

– Ты ведь только что чудом выкарабкался с того света, Гуань Е, неужели ты не чувствуешь в себе никаких перемен?

Совершенно во всем.

Словно монстр.

Почти равнодушно подумал Гуань Е, но, не желая пугать Ци Шуюэ своей неестественностью, он изобразил на лице легкое замешательство:

– Кажется, стал немного сильнее, да и видеть стал четче.

На самом деле «сверхчеловеческая сила» была одной из стандартных способностей эсперов, причем самой распространенной в апокалипсисе. Но Ци Шуюэ был убежден, что такой крутой парень, как Гуань Е, должен обладать чем-то гораздо более впечатляющим, поэтому он с сияющими глазами подался вперед, заглядывая ему в лицо с доверчивым видом:

– А еще?

Обострившиеся органы чувств Гуань Е улавливали малейшие нотки аромата Ци Шуюэ. Чувствуя себя неуютно, он слегка откинул голову назад, кадык дернулся. Его взгляд скользнул по щеке парня и против воли замер на ней.

Ци Шуюэ всегда был невероятно красив. Сам Гуань Е к внешности относился равнодушно, но обладал базовым чувством прекрасного и прекрасно это осознавал.

Подавляя этот факт столько времени, он по идее уже должен был выработать иммунитет к такой красоте. И тем не менее Гуань Е вновь словно громом поразило – он сопротивлялся, но бесповоротно тонул, не в силах оторвать глаз.

А это означало, что ему придется выдержать этот пронизанный ожиданиями и мольбой взгляд.

Обычному человеку трудно отказать Ци Шуюэ, а уж Гуань Е...

Гуань Е не мог отказать ему тем более.

Даже пытаясь скрыть правду о том, что он превратился в «чудовище», при виде этой просящей мордашки его тело инстинктивно жаждало исполнить любое желание парня. Словно глупый подросток, стремящийся покрасоваться перед тем, кто ему дорог, Гуань Е машинально вскинул руку – и в довольно тесной комнате из его ладони с грохотом вырвался мощный электрический разряд. Ослепительная вспышка заполнила помещение, яркая и жгучая, будто в центр спальни

упало солнце.

В обычных условиях способность, не имеющая разрушительного намерения, не обладает такой убийственной мощью. Но раздался оглушительный грохот – кровать Ци Шуюэ разлетелась в щепки, а постельное белье на ней обратилось в мелкую серую пыль.

Гуань Е: – ...

Ци Шуюэ: «!»

<http://bllate.org/book/18797/1870135>